

Максим Горький

Заметка читателя

Максим Горький

Заметка читателя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2351255

Аннотация

«Одно из самых крупных событий XX века – то, что человек, научившись летать над землёю, тотчас же перестал удивляться этому. Утрату человеком удивления пред выдумками его разума, пред созданием его рук я считаю фактом огромной важности, и мне кажется, что человек XX века начинает думать уже так: „Летаю в воздухе, плаваю под водою, могу передвигаться по земле со скоростью, которая раньше не мыслилась, открыл и утилизирую таинственный радий, могу разговаривать с любой точкой планеты моей по телефону без проволок, как будто скоро уже открою тайну долголетия. Что там ещё скрыто от меня?“»

Максим Горький

Заметки читателя

Одно из самых крупных событий XX века – то, что человек, научившись летать над землёю, тотчас же перестал удивляться этому. Утрату человеком удивления пред выдумками его разума, пред созданием его рук я считаю фактом огромной важности, и мне кажется, что человек XX века начинает думать уже так:

«Летаю в воздухе, плаваю под водою, могу передвигаться по земле со скоростью, которая раньше не мыслилась, открыл и утилизирую таинственный радий, могу разговаривать с любой точкой планеты моей по телефону без проволок, как будто скоро уже открою тайну долголетия. Что там ещё скрыто от меня?»

И, дерзко, упорно исследуя хитрости природы, главного врага его, человек всё быстрее овладевает её силами, создавая для себя «вторую природу». При этом он продолжает жить в высшей степени скверно и всё сквернее относится к «ближнему», к подобному себе.

Я думаю, что скверненькая жизнь так и будет продолжаться до поры, пока человек не поймёт, что его основным свойством должно быть удивление пред самим собою. Пред самим собою во всей полноте своих творческих сил он ещё никогда не удивлялся, а ведь в мире нашем только это, толь-

ко силы его разума, воображения, интуиции и неутомимость его в труде действительно достойны изумления.

Странно, даже несколько смешно наблюдать удивление человека пред граммофоном, кинематографом, автомобилем, но – неутомимый творец множества остроумных полезностей и утешающих забав – человек не чувствует удивления пред самим собою. Вещами, машинами любят так, как будто они явились в наш мир своей волею, а не по воле существа, создавшего их.

Человек значит неизмеримо больше, чем принято думать о нём, и больше того, что он сам думает о себе. Говоря так, я говорю о совершенно конкретном человеке, украшенном множеством недостатков и пороков, о великом грешнике против ближнего и против себя самого. Известно, что он служит вместилищем семи смертных грехов.

Завистлив, но, тысячелетия завидуя полёту птиц, научился и сам летать птицей.

Жаден до чужой силы, но, питаясь ею, создал бесчисленное количество разнообразных сокровищ и, в их числе, великолепные машины, уже значительно облегчающие тяжесть труда его.

Любострастен, но в греховном тяготении своём к женщине выдумал, для соблазна её и для украшения себя, поэзию бессмертной красоты.

Лжив, – выдумал то, чего не было: прекрасные мифы, ве-

сѣлых богов Олимпа – и Прометея, врага им; выдумал Валгаллу и Сатану, множество волшебных сказок и необыкновенных людей – дон-Кихота, Робинзона Крузо, Гамлета, Фауста и десятки подобных.

Скуп, ибо слишком любит копить пустяки и всё-таки слишком жалеет тратить силы свои для достижения лучшего, чем то, чего он уже достиг.

Горд, но я думаю, что это не грех, потому что с той поры, как он начал ходить на задних ногах, а передние развил как искуснейшее орудие всех орудий, он имеет право гордиться собою.

Ленив, – вот самый тяжкий из всех смертных грехов его, именно благодаря лени и преждевременному стремлению к покою, он так медленно изменяет постыдные и мучительные условия его жизни.

Затем я бы сказал о человеке так: это самое загадочное существо из всех населяющих землю, существо, одарённое безграничной силою воображения, неутомимой жаждой творчества, дерзкой страстью к разрушению содеянного им, замечательной способностью всесторонне осмеивать самого себя и неумением удивляться себе самому. Вероятно, мудрецы, которые предпочитают видеть человека в звериной шкуре, скажут, что я украсил его хвостом павлина.

Кроме смертных грехов, часть которых только украшает его, человек – как это известно – испачкан и засорен множе-

ством мелких, дрянненьких грешков.

Но я не моралист, это ясно из сказанного выше, копать в хламе дрянненьких грешков я не стану, считая такое занятие крайне вредным. Вредным – потому что пристальное рассматривание и подчёркивание маленьких человеческих слабостей как раз и устанавливает удобный для строгих судей мира, но унижающий человека «бытовой» взгляд на него как на ничтожество по природе. Взгляд этот очень приятен любителям «духовной чистоты», кротости и покорности некоторым издревле «господствующим идеям», на коих и основано «общество», ныне изгнившее до корней своих.

Этот взгляд разрешает относиться к человеку как, примерно, к сырую или – в лучшем случае – «полуфабрикату». Попирая человека «под ноги своя», моралисты монументально возвышаются над ним, и это их вполне удовлетворяет.

Разумеется, я не буду спорить против того, что человек иногда охотно оправдывает звание ничтожества, я сам нередко видел и вижу его таковым. Но я твёрдо знаю, что по силе условий «социального воспитания» человеку очень легко быть «плохим» и что у него слишком мало причин быть «хорошим», а если он всё-таки хорош, так это – его личная заслуга. Со стороны своей «плоховатости» человек мало интересен, и не этим он удивителен.

Для меня человек, по природе его, – великомученик, у которого нет желания сделаться святым, и, погрузясь в дела ми-

ра сего, он стал просто великим человеком. Дефо, Ломоносов, Руссо, Пушкин, Байрон, Мусоргский, Менделеев, Лессепс и сотни подобных – вот что есть человек по природе своей. Надеюсь, я никого не обижу, напомнив, что некоторые из названных мною гениальных людей были людьми весьма «сомнительной нравственности».

Отсюда, конечно, не следует, что, почувствовав приступы гениальности, необходимо скандалить, как это делали и делают некоторые из современных молодых литераторов на Руси. В возрасте между пятнадцатью и двадцатью пятью годами почти все люди чувствуют себя гениями, но в большинстве случаев это нечто, подобное ложной беременности: симптомы те же самые, как и при настоящей, а внутри – пусто.

Мне кажется, что было бы очень полезно смотреть на жизнь «пессимистически», а к человеку относиться со всем возможным оптимизмом.

Противоречие? Нет, почему же? Жизнь всё ещё, покамест, неудачная работа прекрасных мастеров.

Такой взгляд на человека уже не разрешает рассматривать его как ничтожество, как материал для построения чьего-то благополучия – и вместе с тем этот взгляд способствует росту чувства неудовлетворённости человека своею работой. Жизнь будет всегда достаточно плоха для того, чтоб желание лучшего не угасало в человеке.

В начале XIX века было сказано:

«Государства создаются того ради, дабы обуздывать своеволие людей и пресекать дерзостные фантазии разума их».

Очень хорошо сказано в смысле искренности, прескверно по существу.

Но вот десять лет тому назад в России возникла новая форма государства, и цель его, как я понимаю, – дать свободу творческим силам всей массы народа. Этот народ особенно нуждается в изменении привычной, глубоко вкоренившейся в нём оценки человека как ничтожества. Фантастическая работа, которая начата у нас, напряжение, с каким она творится, наконец, те результаты, которые эта работа уже даёт, – всё это как нельзя лучше говорит в пользу взгляда, что человек вообще лучше того, как о нём привыкли думать.

Вероятно – спросят:

«Но почему же всё человек, человек, когда нужно говорить о творчестве масс? Нет ли тут индивидуализма?»

Я думаю – есть некоторая доза, но нет никаких причин опасаться её, ибо, как известно, в небольших дозах яды полезны организму. Фосфор – яд, но без него не проживёшь. Бесспорно, что масса – «радиоактивное вещество», но необходим ряд условий для того, чтоб извлечь из неё чистый радий.

В Советской Республике условия эти частью уже созданы и продолжают непрерывно развиваться. Культурный рост рабочего и крестьянина – факт неоспоримый. Следует сказать, что ещё не было и нет государственной организации, кото-

рая заботилась бы о культурном воспитании народа так умело и усердно, как это делается в России. Я говорю об этом не только потому, что знаком с такими отличными изданиями, каковы «Крестьянская» и «Рабочая» газеты, еженедельники «Работница», «Крестьянка», превосходный журнал «Хочу всё знать», «Сам себе агроном» и десятки других изданий, в высшей степени заботливо и умело обслуживающих культурные запросы трудящихся на земле и на фабриках; говорю не потому, что внимательно, поскольку могу, слежу за работой селькоров и рабкоров и личным – интеллектуальным – ростом этих поистине «новых» людей, – нет, не только это, известное и помимо меня, даёт мне смелость говорить уверенно о культурном росте трудовой массы.

Гораздо большее значение для меня имеют письма ко мне различных молодых и пожилых людей деревни и города, – письма, из которых совершенно ясно видишь, как растёт и углубляется активный интерес русского человека к своей стране и вообще к миру, к науке, к литературе и ко всему, что есть жизнь. Показателен и количественный рост «изобретателей» в области техники, и особенно любопытен тот факт, что в этой области начинают работать женщины. Кстати: «Нижегородский астрономический календарь» – единственный в России, – издающийся уже тридцать девять лет, отметил работу двух женщин-астрономов, Богуславскую и Ушакову, как «ловцов комет», указывая, что это «первый случай». Вообще быстрый рост общественной активности сре-

ди женщин – явление огромной важности, а особенно изумительна эта активность среди женщин-мусульманок.

Что Россия живёт в тяжёлых условиях – это так же неоспоримо, как и то, что над созданием и укреплением этих условий усердно трудятся правительства высоко культурных стран Европы, чему отнюдь не мешает мудрая инертность и немота европейских социалистов, тоже весьма культурных.

Но, несмотря на тяжесть условий жизни и вопреки им, творческая жизнь России быстро растёт. Об этом говорит, например, тот факт, что – как заявлено было в Москве на съезде физиков – в то время как раньше в европейских журналах печаталось за год двадцать – тридцать докладов русских учёных, ныне печатается до ста и свыше ста докладов. При царизме ежегодно ресурсы Геологического комитета не превышали нескольких сот тысяч рублей. Сейчас бюджет комитета поднялся до 6 миллионов рублей в год, а в культурных государствах Запада после войны ассигновки научным учреждениям значительно сокращены. Обилие научных открытий, широкое развитие краеведчества, рост количества научных экспедиций, ряд новых научных учреждений, институтов, наконец, успешность работ по электрификации страны – всё это и ещё многое должно бы убедить и слепых, и глухих, что Россия действительно начала жить новой жизнью и что человек её стал более значительным человеком, чем он был десять лет тому назад.

Но у меня нет желания убеждать в чём-либо людей, «уни-

женных и оскорблённых» собственным их бессилием.

Попутно расскажу о том, как иногда забавно «выявляется» чувство мести «униженных и оскорблённых».

Хоронили Германа Лопатина, одного из талантливейших русских людей. В стране культурно дисциплинированной такой даровитый человек сделал бы карьеру учёного, художника, путешественника, у нас он двадцать лет, лучшие годы жизни, просидел в Шлиссельбургской тюрьме.

За гробом его по грязному снегу угрюмо шагали человек пятьдесят революционеров, обиженных революцией, и среди них качалась грузная фигура одного из друзей умершего, – Герман Лопатин весьма щедро одарял людей своею дружбой.

Грузный человек шёл в глубоких жёлтого цвета галошах-ботиках; галоши были настолько малы для его ног слона, что он стоптал их, каблуки приходились почти на середину подошв; наверное, ему было очень трудно и даже больно нести своё большое тело на ногах, так неудобно обутых. Я вспомнил, что накануне видел его в чёрных, крепких ботиках, они были как раз по ноге ему. Должно быть, он продал и «проел» их. Но дня через два я снова встретил его в знакомой мне крепкой и удобной обуви.

– А я думал, вы продали галоши?

– Почему?

Я объяснил.

– Нет, – сказал он и широко улыбнулся. – Но я хотел при-

дать ещё более нищенский и постыдный вид похоронам одного из крупнейших русских революционеров. Пусть эта самочинная власть видит, и поймёт, и устыдится...

Он сказал это торжественным тоном гражданина и борца. Да, именно так.

А я подумал о человеке, галоши которого он, стоптав, непоправимо испортил.

Потом подумал о жалком тщеславии «униженных и оскорблённых». Нигде этот постыдный вид тщеславия не принимает таких и смешных и болезненных форм, как у нас, в России.

Напомню, что в те дни «самочинная» власть с величайшим напряжением своей энергии работала над организацией защиты революции.

Никогда еще в России не было такого количества молодёжи, пишущей стихи и прозу; можно сказать, что страсть к литературе приняла характер эпидемии. Зная, в каких ужасных условиях работают молодые литераторы, я, разумеется, не позволю себе думать, что литература привлекает их только как «лёгкий труд». Во-первых, это труд вовсе не лёгкий, а во-вторых, совершенно ясно видишь и чувствуешь, что молодёжь понуждает писать её насыщенность «впечатлениями бытия». Я прочитал, вероятно, сотни две книг, написанных молодыми литераторами, и полагаю, что это даёт мне право говорить о них. Но я не принадлежу к тем людям, которые,

не умея плавать, пробуют учить других искусству плавания. Меня занимает вопрос об отношении молодой литературы к герою всех драм, романов и рассказов, к «хозяину жизни» – человеку, врагу природы, окружающей его, создателю «второй природы» на основе познанных и порабощённых им сил первой, врагу и «ветхого Адама» в себе самом. Мне кажется, что «ветхий Адам» более понятен и более интересен молодой литературе, чем Прометей, похититель небесного огня и враг богов. Во всех книгах действует – а чаще, бездействует, только говорит – человек вчерашнего дня, засорённый и запачканный мелкими грешками, осколками великих и дерзновенных смертных грехов.

Конечно, и маленький грешник – хороший материал для большого художника, если художник умеет преувеличить его ничтожество так, как умел делать это Ф. М. Достоевский, который хорошо знал, что подлинное искусство вообще и всегда более или менее преувеличивает действительность.

Для молодой литературы человек остаётся всё ещё ничтожеством, хотя многие из авторов на протяжении десяти лет видели его героем, а некоторые и сами, лично, принимали участие в событиях героических. И всё-таки человек остался в их глазах человеком «для того, чтобы», а не человеком «потому, что» он есть источник самой изумительной энергии, преодолевающей все сопротивления.

Приятно видеть, что как будто исчезла тема: правоверный, но наивный сердцем коммунист и соблазняющая его

на грешок прелестная, но буржуазная барышня. Но, кажется, тема эта исчезла только потому, что за десять лет барышня, несколько постарев, утратила необоримую соблазнительность свою. Спасибо ей за это! Разумеется, я шучу и вовсе не склонен понижать значение женщины в деле «очеловечивания» нашего брата, но меня несколько смущает тот факт, что в стране, где стремятся создать бесклассовое общество, литераторы продолжают изображать женщину всё ещё с точки зрения классовой, то есть опять-таки, в большинстве случаев, ничтожеством, «вредной штучкой», как сознался мне один храбрый молодой писатель. Другой на вопрос: почему он уничижает подругу жизни? – неловко ответил:

– Я – не уничижаю, а таков быт.

Короче говоря – и повторяясь – «описывают» всё ещё старого русского человека и таким, как будто бы прожитые трагические годы ничего не изменили в нём. Не верится, что это – правда. Но если даже и правда – жив и нимало не изменился старый человек, – разве именно он характерен для нашего времени? В большинстве своём люди этого типа – Лазари, которых не воскресит даже чудесная сила искусства. Затем – в кулачных боях есть прекрасное правило, обязательное для каждого честного бойца: «лежачего – не бить», если он и шевелится.

Фотографировать судороги агонии, может быть, и полезно в интересах медицины, но это занятие не имеет отношения к искусству. Духовное умирание даже и неприятного нам че-

ловека всё-таки скверное зрелище, точно так же, как и зрелище физической смерти, о преодолении которой ныне столь дерзко и упрямо мечтает наша, человеческая наука.

Фотографии успешно служат для уловления преступников, но чаще для порчи стен снимками с «красивых уголков природы», симпатичных барышень, знаменитых артистов и прочих редкостей. В литературе фотографии ещё более неуместны.

Человек-товарищ изображается в таком ослепительном освещении, что его уже совсем не видишь; человека-врага принято изображать одноцветно чёрным и почти всегда дураком. Не думаю, чтоб это было правильно.

Где два врага, там – два героя. Писатель, который хочет быть художником, должен быть немного историком и знать, что враг – очень хороший учитель в деле борьбы, хотя его уроки и дорого стоят. И всегда полезнее видеть врага более сильным, чем он есть на самом деле.

Возможно, что это будет не совсем кстати, но всё-таки я расскажу кое-что о враге.

Когда мне было лет девять-десять, у меня был враг Васька Ключарев, ровесник мой, сын чиновника, замечательно храбрый кулачный боец, сухонький, но гибкий, как стальной прут. Я с ним дрался при каждой встрече, мы бились до крови, до слёз, но плакали не столько от боли, как от горя: ни

тому, ни другому не давалась победа. Изобъём друг друга и, обессиленные, разойдёмся, обливаясь постыдными слезами, а при новой встрече – снова бой, и снова нет победы! Целую зиму жил я мечтой поколотить Ключарева так, чтоб он признал меня победителем; он, конечно, жил такой же мечтой, и оба мы ненавидели друг друга жестоко, как дети.

На пасхальной неделе я встретил Ключарева в Прядильном переулке, знаменитом не просыхавшей в нём всё лето грязной трясинной, в которой, говорили, лошадь утонула.

По одной стороне переулка во всю длину его тянулись заборы садов, на другой стояли неказистые домики, перед ними проложены были деревянные мостки, и вот по мосткам наступает на меня празднично одетый Ключарев.

Бросился он, но, поскользнувшись, упал, и руки его, почти до локтей, воткнулись в грязь. Я помог ему встать на ноги, он отшатнулся от меня и, глядя на запачканные рукавчики рубахи, сказал с кривенькой усмешкой:

– Высекут.

– Ну?

– Высекут, – повторил он, вздохнув, и спросил: – Тебя кто сечёт?

– Дед.

– Меня – отец.

Я подумал, что и отец тоже, наверное, больно сечёт, и мне захотелось утешить врага.

– Пасха, – сказал я. – Может, не высекут...

Но Ключарев безнадежно покачал головой. Тогда я предложил ему вымыть рукавчики. Он согласился не сразу и молча. Одним своим концом переулок упирался в неглубокий овраг, на дне его стояла лужа, её именовали: Дюков пруд. Ключарев снял рубашку, я залез по колени в пруд и начал смывать грязь с неё. День был хмуренький, холодный, враг мой вздрагивал и очень грустными глазами смотрел, как смело я терзаю его рубашку. Когда из тёмно-коричневой она вся сделалась жёлтой, он тихонько сказал:

– Всё равно видно, что грязная.

Подумав, решили высушить рубашку. Я в то время уже начинал покуривать замечательные папиросы «Персичан», три копейки десяток, у меня в кармане были серные спички. Вылезли из оврага; на пустыре, в развалинах давно сгоревшей кузницы развели небольшой костёр и занялись сушкой рубашки. Молчали. О чём говорить с врагом?

От дыма рубашка стала чёрной. В двух местах мы её прожгли: немножко – рукав и дыру на спине. Это уж было смешно. Мы и посмеялись, конечно – не очень весело. Ключарев, с трудом наклеив на себя рубашку, всё-таки ещё сырую, вымазал острое лицо своё копотью и хмуро сказал:

– Я пойду домой. Драться сегодня уж не будем.

Ушёл. Жалко мне было его. И, честное слово, в тот день я бы с удовольствием подставил свою спину под розги его отца.

Через несколько дней я, снова встретив врага, спросил:

– Пороли?

– Не твоё дело, – сказал он, сжимая кулаки. – Становись, давай!

Дрались, кажется, более ожесточённо, чем раньше, а всё-таки безуспешно. Прислонясь к забору, высмаркивая кровь из разбитого носа, враг сказал мне:

– Ты стал сильнее.

– Ты – тоже, – ответил я, сидя на тумбе; у меня затёк глаз и была разбита губа.

Мы разошлись, обменявшись этими словами, в которых прозвучала не только горестная зависть, но, может быть, было скрыто взаимное уважение, смутное сознание того, что мы не только враги, но и учителя друг другу.

После этого мы ещё дрались раза два-три, но так и не узнали, кто из нас победитель, кто побеждённый, ибо мы никогда не рассуждали о том, кому досталось больше и больней.

В августе, после двухдневного ливня, я застиг Ключарева в овраге, на задворках Полевой улицы, он сидел на повалившемся заборе, подпирая челюсти ладонями, и, когда он поднял лицо, стало видно, что веки его смелых глаз красны и опухли.

– Я не хочу драться, – сказал он.

– Боишься? – спросил я, чтоб раздражить его, но он ответил:

– У меня сестра умерла. Это бы – ничего, она маленькая, младенец, а есть хуже: меня в кадетский корпус отдают.

Для меня кадетский корпус, огромное здание в Кремле, только тем отличался от арестантских рот, тоже огромных, что корпус был белый, а роты окрашены в неприятно жёлтую краску. Все большие дома казались враждебными мне, маленькому человечку, я подозревал, что в них пряталась скука, от которой могут лопнуть глаза.

Мне стало жалко врага за то, что его хотят загнать в скуку. Я присел рядом с ним и сказал:

– А ты убеги.

Но он встал и первый раз миролюбиво протянул мне боковую ручонку свою, силу которой моё тело многократно испытало.

– Прощай, брат, – сказал он негромко, глядя не на меня, а в сторону, но я видел, что губы его дрожали.

Очень не хотелось мне сказать ему:

«Прощай!»

Но, разумеется, сказал. Долго, с грустью смотрел, как медленно, нехотя, любимый враг мой поднимается из оврага по размокшей, скользкой тропе.

И долго после того скучно и пусто было мне жить без врага.

Рассказец, конечно, детский, наивный. Но наивность – мой горб, его, несомненно, исправит могила, люди же не исправят, даже те двуногие верблюды, которые особенно усердно стараются исправлять чужие горбы.

Кстати – вот одна из наивностей моих: если люди, рождённые и воспитанные в атмосфере, насквозь анархизированной и отравленной разлагающими ядами множества дрянненьких соблазнов, если, вопреки вполне «естественным» условиям, искажающим их, люди всё-таки могут быть неутомимыми, активными врагами этих «естественных условий» – это значит, что они могут быть какими хотят быть.

Продолжаю наивности.

Воткнуть штык в живот человека или всадить пулю в голову его, должно быть, очень просто, если судить по тому, как упрощённо и грубо пишут об этом. В частых описаниях убийств чувствуется всё то же «бытовое» отношение к человеку как ничтожеству и дешёвке.

И как будто уже есть люди, которые, привыкнув драться, не находят себе места в жизни, сравнительно мирной, хотя она требует неизмеримо большего и продолжительного напряжения всех сил, всей воли, чем этого требует драка с оружием в руках.

Героев на час и героев на день у нас было много, но они не оставили особенно яркого следа в жизни и, несмотря на бесспорное мужество подвигов, не могли заметно изменить её тягостных условий.

Но вот условия изменены, требуется напряжённая работа для дальнейшего развития их в сторону более широкой свободы творчества, требуется героизм не на час, а на всю жизнь.

Мне кажется, что молодая литература не совсем ясно чувствует глубокое различие героизма на час от героизма на всю жизнь, что ею всё ещё не понята необходимость поэтизации труда и что гораздо труднее, чем убить человека, вкоренить в его сознание, затемнённое и отягчённое различными предубеждениями, мысль, непривычную ему: человек – не ничтожество.

К сему – небольшая иллюстрация. В «доброе» старое время не удивлялись тому, что существуют дети-воры, а устраивали для них «колонии малолетних преступников», где свободно действовал «метод взаимного обучения» и откуда подростки выходили вполне зрелыми и опытными ворами.

В Советской России тоже существуют колонии для «социально опасных». Я довольно хорошо Осведомлён о жизни некоторых и особенно одной из них, под Харьковом; я знаю, что бывшие «социально опасные» выходят из неё в рабфаки и агрономические школы. Можно бы рассказать немало удивительного о людях этой колонии, но, к сожалению, лично мне сделать это неудобно. Но вот на днях я прочитал замечательную книгу «Республика Шкид». Её написали два подростка, бывшие воры, воспитанники «Школы имени Достоевского для трудно воспитуемых». В этой книге авторы отлично, а порою блестяще рассказывают о том, что было пережито ими лично и товарищами их за время пребывания в школе. Они сумели нарисовать изумительно живо ряд характеров и почти монументальную фигуру «Викниксора», заве-

дующего школой. Значение этой книги не может быть преувеличено, и она ещё раз говорит о том, что в России существуют условия, создающие действительно новых людей. Возможно, что скажут: всё это – исключения. Я добавлю: которые стремятся быть правилом.

В юности, когда я ненасытно читал все книги, какие попадали в руки мои, я заметил на ларьке старьёвщика одну, растрёпанную, в скучной серой обложке, в рыжих пятнах сырости, сквозь пятна проступали чёрные, значительные слова титула:

Книга мудрости и лжи

Хотя денег у меня не было, но я приобрёл эту книгу в собственность. Впоследствии я был сторицею наказан за это: у меня раскрали десятки книг.

«Книга мудрости» оказалась сборником грузинских сказок, читать её было скучно, и я не нашёл в ней ничего, что осталось бы в памяти моей.

Несколько месяцев тому назад эта книга снова попала в руки мне. Её составил Савва Сулхан Орбелиани, напечатана в Петербурге, в 1878 году, по распоряжению факультета восточных языков. Прочитал я её с наслаждением, и вот самое мудрое, что нашёл в ней:

«Визирь рассказал царю о рае и много врал, преувеличивая действительную красоту его».

Представляю всё, что могут сказать люди здравого смысла о визире и как они ловко обратят выписанную мной цитату против меня, против этой статьи!

А всё-таки восхищает меня мудрая дерзость визиря, преувеличивающего «действительную» красоту несуществующего! Это меня гораздо более восхищает, чем преувеличенные описания действительного ада, созданного на земле дружными усилиями различных людей.

Именно вот этой безумнейшей дерзостью человека, силою воображения, интуиции осуществлено всё то, чего не было на земле, – чудеса науки, волшебство искусства, всё, чем великий Муж Земли может гордиться.

И этой же дерзостью воображения, интуиции, упорной, неутомимой работой осуществится всё то, чего нет ещё, но, что будет, если хорошо пожелать.

Человек уже тысячи раз доказал, что он может быть тем, каким хочет быть.

Двадцатого марта исполнилось двести лет со дня смерти Исаака Ньютона, одного из гениальных людей мира нашего.

В Лондоне, в Вестминстере, на гробнице Ньютона написано:

«Да поздравят себя смертные, что существовало такое и столь великое украшение рода человеческого».

Прекрасно сказано. Человек есть украшение мира, и он имеет все основания удивляться себе самому.